

Мы встретили Рождество и Новый Год с семьями на каникулах. Но даже несмотря на то, что мы с Пэрришем жили на разных концах города, мы смогли пару раз встретиться и прогуляться перед возвращением в академию.

Каким-то печальным он мне показался во время одной из прогулок, каким-то растерянным и взволнованным. Я не стал допытываться до Пэрриша — он сам рассказал бы всё, если бы хотел. Но я должен был его поддержать, что бы ни произошло.

— Послушай, друг, — я положил руку ему на плечо, — Что бы ни произошло у тебя, ты всегда можешь на меня положиться — мы же друзья как-никак.

Малкольм тяжело вздохнул и присел на скамью.

— Отец нашёл мои черновики. Они выпали из моего дипломата.

— Он выбросил их? — я переминался с ноги на ногу, садиться рядом мне не хотелось.

— Нет, не выбросил. Но был большой скандал, — поёжившись от холода, Пэрриш вскочил со скамейки и направил палец в вверх, пытаясь показать своего отца, — Серьёзному парню с серьёзным будущим не пристало заниматься такой ерундой!

— Что такого в этом? Я никак не пойму. Ты же не лезешь в писатели и не пытаешься бросить учёбу.

— Если я пишу — значит, у меня есть свободное время. А если у меня есть свободное время — какого чёрта я трачу его не на учёбу?!

Впервые я видел Пэрриша таким. Из него вырвались эмоции. Казалось бы, обычная семейная драма, но что-то в этой ситуации его сильно огорчило. Я был расстроен не меньше, чем он: как оказалось, Пэрриш очень тонко чувствовал, но чаще всего скрывал свои переживания.

Помню, я тогда зевнул, прикрыв глаза всего на мгновение, а когда открыл — Пэрриш, раскинув руки в стороны, рухнул спиной в сугроб снега и расхохотался. Я даже не успел как-то отреагировать, он уже вскочил на ноги.

— Надо, наверное, идти по домам. Завтра возвращаться в академию. Но знаешь, что я тебе скажу? — он толкнул меня в плечо кулаком, — Мы снова сможем стать чуть более свободными.

— А ты снова сможешь писать, сколько захочешь. Только в этот раз не забудь оставить черновики в академии, чтобы потом не было ссор дома.

— Ох, Адам, теперь точно не забуду. Не хочу больше в снег падать, если честно, — Малкольм шёл и кружился на месте, безуспешно пытаясь отряхнуть спину от снега.

Вот так быстро менялось его состояние: от печали до искреннего смеха за пару минут.

По возвращении в учебную жизнь всё встало на круги своя: снова уроки, снова рутина и снова поздние тихие побеги в библиотеку за сборниками лирики для сердца и души.

Как только немного потеплело, и на переменах все обычно выбегали на улицу, накинув куртки, у Пэрриша начался какой-то психологический подъём. Он стал каким-то философом, рассуждающим о том, какую же роль в наших жизнях играют мечты. Однажды он даже сказал мне: «*Somnia non opus esse sepultus sub stratis dubium*. Мечты не должны быть погребены под

слоями сомнений, Говард. Запомни это».

В твоих глазах, Патрик, я вижу вопрос: мистер Говард, а почему же вы не рассказываете ничего о себе? А ответ будет прост и банален: я был самым обыкновенным юнцом с мечтами об окончании учёбы. В нашей истории я не был таким интересным, как Малкольм.

Так, о чём я говорил? А, точно! Весной Малкольм достигал пика своей продуктивности во всём: на письменном столе появлялись кипы книг и учебников, за которыми его было даже не видно, с собой у него всегда был черновик с записями (и не один), на его пропуске в библиотеку не оставалось пустого места. Да, раньше у нас были бумажные пропуска, на которые ставилась печать при посещении библиотеки. Так вот, каждые пару дней Пэрриш заходил в библиотеку, приносил штук пять каких-то тяжёлых книг, чем пугал библиотекаря. Потом брал примерно столько же, улыбался, закрывая глаза, благодарил за помощь в получении образования и гордо удалялся на подкашивающихся из-за тяжести ногах.

Нередко до комнаты Пэрриш не доходил вместе с книгами — они выпадали из его рук и высыпались прямо возле двери, сразу слышался громкий и полный печали возглас Малкольма о том, как же несправедлива жизнь.

— И вот так каждый раз, понимаешь, каждый раз!

— Рассчитывай свои силы, Пэрриш, — всегда говорил ему я, подняв глаза от учебника, когда он толкал дверь в комнату ногой.

— А что такого? Читать хочется, по учёбе ещё нужно, а по несколько раз я ходить не могу: на пропуске места почти нет. Я же академию разоряю! — раздосадовано говорил он, надевая очки и сядя за написание очередного рассказа.

Я не хочу становиться похожим на тех людей за сорок, бурчащих что-то про «В наше время...», но раньше подростки были более спокойными и дисциплинированными. Возможно это зависит от места обучения, да и воспитание у всех разное, но всё же, это факт.

Каждый вечер после окончания уроков, когда все расходились по комнатам, в академии наступала гробовая тишина. Кто-то читал, кто-то делал задания, а мы с Пэрришем создавали новые сюжеты. Да, я тоже принимал участие в писательской деятельности, но главенство всё-таки принадлежало Малкольму.

Спустя пару месяцев мы забыли про тот инцидент на зимних каникулах, но всё равно в душе Пэрриша остался глубокий след. Теперь он всё переписывал дважды, одну из копий отдавал мне. Наши шкафы были забиты кипами бумаги, столы были запачканы чернилами, на печатной машинке почти не было видно букв.

Писательство приносило нам счастье.

— А знаешь, Адам, когда-нибудь я напишу свою книгу, ты напишешь свою. Здорово будет в книжном магазине увидеть на полке с бестселлерами наши имена! — у Пэрриша глаза горели энтузиазмом, а очки отражали солнце мне прямо в глаза.

— Не хочу портить тебе малину, но... Ты понимаешь сам, что это невозможно. Разве нет?

— А ну вспомни, что я говорил тебе недавно о мечтах! Мечты не должны...

— Быть погребены под слоями сомнений.

— Вот и молодец. Знаешь, что однажды сказал Генри Торо: "Если человек уверенно движется по направлению к своей мечте и стремится жить такой жизнью, какую он себе вообразил, то успех придет к нему в самый обычный час и совсем неожиданно». Вот так-то.

<http://tl.rulate.ru/book/22354/462970>